

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-44-61

УДК 94(47).08

РЕФОРМА ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 1860–1870-х гг. И НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК СЛУЖИТЕЛЯ ЦЕРКВИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧЛЕНОВ СЕМИНАРСКОГО СООБЩЕСТВА

Орлова Юлия Павловна

Европейский Университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

iorglova@eu.spb.ru

Аннотация. В статье через призму обсуждения нравственной нормы семинаристов в ходе духовно-учебной реформы 1860–1870 гг. рассматривается проблема взаимоотношений Синода и приходского духовенства Российской империи. Выводы о характере предъявляемых Синодом требований к духовным воспитанникам и реакции членов семинарских сообществ на них сделаны на основе законодательных документов, сообщений об исключении из духовных семинарий за 1868–1876 гг. и прошений отцов учеников. Хотя Устав духовных семинарий 1867 г. провозгласил основной задачей семинарского образования воспитание высоконравственного служителя церкви, в цели реформы входило также включение духовных школ в общеобразовательную систему Российской империи. Указ обер-прокурора Синода № 6877 от 23 декабря 1867 г. с требованием сообщать обо всех исключенных за предосудительное поведение воспитанниках для дальнейшего оповещения епархиальных начальств и центральных управлений других ведомств, с одной стороны, должен был повысить общий нравственный уровень учащихся. С другой, он лишил исключенных из духовно-учебных заведений юношей будущего не только на духовном поприще, но и за пределами сословия. Такой двойственный характер реформы вызывал несогласие семинарских правлений и родителей семинаристов. Недопонимания обострялись расхождением в представлениях о норме нравственности духовного воспитанника и препятствовали успешной реализации реформы.

Ключевые слова: нравственный облик духовенства, духовные семинарии, духовное образование, духовное сословие, Священный Синод, Устав 1867 г., Великие реформы.

THE THEOLOGICAL EDUCATION REFORM OF THE 1860s–1870s AND MORAL IMAGE OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE SEMINARY COMMUNITY MEMBERS' REPRESENTATIONS

Orlova Yulia P.

European University in St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
iorlova@eu.spb.ru

Abstract. The article examines the problem of relations between the Holy Synod and the parish clergy of the Russian Empire through the prism of discussions of the moral norms of seminarians during the reform of theological education in the 1860s–1870s. Conclusions about the peculiarities of the Synod requirements for seminarians and the reaction of seminary community members to them are based on the analysis of legislative documents, reports on expulsion from theological seminaries for 1868–1876 and petitions of the disciples' fathers. The Statute of theological seminaries of 1867 proclaimed the training of highly moral clergy as the main task of seminary education. Another goal of the reform was to include theological seminaries in the general educational system of the Russian Empire. A decree of the chief prosecutor of the Synod No. 6877 of December 23, 1867 contained a requirement for seminary boards to report all seminarians expelled for reprehensible behavior to notify diocesan authorities and heads of other ministries. On the one hand, it was supposed to raise general moral level of students. On the other hand, it deprived young men expelled from theological educational institutions of the future not only in the spiritual field, but also outside the clerical estate. The dual nature of the reform caused disagreement between the Synod, the seminary authorities and the parents of seminarians. Misunderstandings were escalated by the divergence in ideas about the moral norms of a seminarian and hindered a successful implementation of the reform.

Keywords: orthodox clergy morality, theological seminaries, theological education, clerical estate, Holy Synod, statute of 1867, Great Reforms.

Цитирование: Орлова Ю.П. Реформа духовного образования 1860–1870-х гг. и нравственный облик служителя церкви в представлениях членов семинарского сообщества // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 44–61. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-44-61 / Orlova Y.P. The Theological Education Reform of the 1860s–1870s and Moral Image of the Orthodox Clergy in the Seminary Community Members' Representations, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 44–61. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-44-61.

© Орлова Ю.П., 2024

Период преобразований Александра II обоснованно считается временем масштабных социальных изменений, затронувших практически все слои российского общества. Не стало исключением и духовное сословие. В историографии принято рассматривать духовно-учебную реформу 1860–1870 гг. в контексте либерализации образования и попытки ликвидации сословной замкнутости духовенства. При этом в фокусе историков оказываются прежде всего изменения учебного процесса и социального положения преподавателей и воспитанников [Freeze, 1983; Римский, 1999; Сушко, 2010; Федоров, 2001].

Между тем одной из важнейших причин проведения реформы духовного образования, с точки зрения специалиста по истории русской православной церкви XVIII–XX вв. Г. Фриза, была потеря доверия населения к приходскому духовенству и дурная слава пьяниц и дебоширов, тянувшаяся за семинаристами и достигшая своего пика в 1860-х гг. [Freeze, 1983, p. 136]. Светское общество регулярно сталкивалось с семинаристами в лице чиновников низшего разряда, видело в них потенциальных нарушителей спокойствия и опасалось их особого образа мыслей [Freeze, 1983, p. 103; Манчестер, 2015, с. 27–28]. Распространению негативного стереотипа также способствовали яркие литературные образы, разоблачавшие жизнь духовных воспитанников. Так, сильное впечатление на массы произвело откровенное содержание повести Н. Помяловского «Очерки бурсы», впервые опубликованной в 1863 г. [Помяловский, 2015].

Таким образом, реформа духовного образования 1860–1870-х гг. стала попыткой укрепления авторитета приходского духовенства в глазах народа. В связи с этим вопрос нравственности воспитанников духовных семинарий занял особое место в новой синодальной программе «образования просвещенных священнослужителей» [Уставы и штаты..., 1867, с. 26]. Именно он находится в центре моего исследования.

Важным шагом высшей церковной власти к исправлению нравственного облика семинариста было издание в 1867 г. циркуляра об обязательном уведомлении Синода обо всех исключенных из духовных училищ и семинарий с неодобрительным поведением для дальнейшего извещения учебных заведений других ведомств [РГИА, ф. 797, оп. 37, отд. I, ст. 2, д. 180, л. 19]. Документ был опубликован вслед за аналогичным постановлением Министерства народного просвещения и таким образом поместил духовные учебные заведения в один ряд со светскими.

С этого момента нетерпимым в духовной семинарии ученикам официально был закрыт путь не только к получению духовного сана, но и к продолжению образования в учебных заведениях других ведомств Российской империи. В результате нравственный облик духовного воспитанника оказался в центре проблемы не только репутации церкви, но и места поповичей в сословной системе империи. Поведение семинариста определяло всю его дальнейшую судьбу.

Несмотря на остроту темы, вопросы духовно-нравственного воспитания в контексте дисциплинарных норм 1860–1870-х гг. редко становились самостоятельным

предметом исследования [Надеждин, 1885; Горячева, 2010]. В большинстве случаев они рассматривались в качестве одного из факторов складывания бунтарской и революционной направленности поповичей [Леонтьева, 2001; Скутнев, 2007; Павленко, 2009; Попова, 2017] или же, наоборот, склонности к альтруизму и служению народу [Манчестер, 2015]. Законодательные источники, дневники и мемуары, являющиеся основным материалом для большинства исследований в области истории православного духовенства, также отсылают к христианским добродетелям: уважению власти и законов, покорности прямому начальству, целомудрие, кротости, скромности, честности, самоотверженности, великодушию, любви к ближнему и трудолюбию [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 5].

В результате мы имеем представление об идеальном образе духовного воспитанника и резко выбивающейся из него маргинализованной версии. Тому, что находилось между этими крайностями и являлось нравственной нормой для высшей церковной власти в лице Синода, с одной стороны, и членов семинарских правлений, а также родителей семинаристов как представителей приходского духовенства, с другой, посвящена эта статья.

Для реконструкции норм в статье использованы законодательные источники, а также комплекс дел об исключениях из духовных учебных заведений в период с 1868 по 1876 г. С помощью сбора статистики по всем случаям увольнений из духовных семинарий с неодобрительным поведением стало возможно сформировать целостную картину причин исключения, существовавших на практике, и сопоставить их с официальными регламентами. В свою очередь, приложенные к сообщениям об исключениях копии заседаний педагогических собраний содержат рассуждения членов семинарских правлений о допустимости тех или иных проступков и интерпретации регламентов Синода, а прошения отцов семинаристов позволяют увидеть, насколько единодушно члены духовенства реагировали на происходившие перемены.

Таким образом, нравственный облик семинариста рассматривается в статье с двух сторон – через официальные регламенты Синода и практику исключения учеников в конкретных духовных семинариях. Обсуждение нормы нравственности семинариста в контексте реформы духовного образования позволяет увидеть, как Синод взаимодействовал с духовенством, как воспринималась реформа на местах и какие противоречия обнажились в ходе ее реализации. Анализ новых официальных регламентов и способов их применения позволяет определить, что вкладывали чиновники Синода в категорию «неодобрительного поведения» и как ее интерпретировали представители семинарского сообщества – родители воспитанников, учителя и члены правлений от духовенства; как осмыслились и исполнялись последними новые требования к исключению нетерпимых воспитанников.

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК СЕМИНАРИСТА В ОФИЦИАЛЬНЫХ НОРМАХ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

В основе регулирования учебного процесса в православной духовной семинарии второй половины XIX в. лежало два документа: Устав духовных семинарий 1867 г. и Журнал Учебного комитета при Синоде с соображениями по вопросам, касающимся устройства воспитательной части в духовных семинариях, 1871 г.

Устав 1867 г. закрепил идею подготовки высоконравственных членов духовенства, обозначив целью семинарского обучения «правильное образование характера учащихся, соответственно будущему их назначению» [Уставы и штаты..., 1867, с. 31]. Согласно документу, к строго наказуемым порокам причислялось «нарушение учениками приличия и общепринятых условий вежливости, неучтивые, грубые, оскорбительные шутки и подобные проступки», ложь [Уставы и штаты..., 1867, с. 32]. Нравственный облик семинариста должен был поддерживаться с помощью строгого распорядка дня и соблюдения ряда религиозных требований: обязательного присутствия на праздничных и воскресных богослужениях, участия в церковном пении и чтении, выполнении упражнений, «располагающих к благочестию» [Уставы и штаты..., 1867, с. 31].

Составление дисциплинарных правил, способов контроля их соблюдения, а также выбор наказаний при их нарушении вменялось Уставом в обязанности правления семинарии. При этом уточнялось, что наказания должны подбираться к каждому воспитаннику индивидуально, «соображаемо с возрастом, первоначальным воспитанием и характером» [Уставы и штаты..., 1867, с. 20]. Исключение из семинарии представлялось высшей мерой наказания, применяемой при невозможности исправления учащегося и только в случае «особенно важных и нетерпимых проступков» [Уставы и штаты..., 1867, с. 32].

Отсутствие в документе конкретизации и систематизации пороков и исправительных мер свидетельствует о том, что Устав не столько регламентировал нормы, сколько предлагал методические указания, очерчивал курс семинарским правлениям. Можно предположить, что Синод в период подготовки основных принципов реформы духовно-учебных заведений и создания Устава 1867 г. предполагал определенную автономию подведомственных учебных заведений, оставляя за ними право самостоятельно составлять свод дисциплинарных правил. При этом высшая церковная власть рассчитывала на наличие разделяемых всеми семинарскими правлениями представлений о нравственном облике духовного воспитанника и однозначную интерпретацию проявлений нетерпимых в семинаристе качеств.

Такой расчет, однако, не оправдался. За 1868–1873 гг. в архиве Учебного комитета и канцелярии обер-прокурора Синода отложилась серия дел, свидетельствовавших о непонимании семинарским руководством положений Устава и сопутствующих циркуляров [РГИА, ф. 797, оп. 37, отд. I, ст. 2, д. 180, л. 92; РГИА, ф. 797, оп. 48, д. 28]. Больше всего сложностей возникало с категоризацией проступков по их тяжести

и определением соответствующей им отметки по поведению. Основной причиной обострения вопроса оценивания стало введение категории «предосудительного» / «неодобрительного» поведения (балл «1») для обозначения проступков, за которые следовало исключение из духовного училища или семинарии.

Споры о системе оценки поведения, заданной Уставом 1867 г., получили продолжение в Журнале Учебного комитета 1871 г. Он был составлен через три года после начала введения нового Устава и представлял собой обобщение разработанных отдельными семинарскими правлениями регламентов внутреннего распорядка, а также обобщенных и анонимизированных мнений епархиальных начальств по поводу организации воспитательной работы в духовных семинариях, собираемых Учебным комитетом в течение нескольких лет.

При этом создание документа напоминало скорее сверку существовавших на местах представлений о нравственном облике семинариста с официальной позицией учебного ведомства, чем коллективную выработку нормы. Члены Учебного комитета комментировали и оценивали присланные правила и мнения, разделяя их на правильные и неправильные по своему усмотрению.

Пренебрежение чиновников к значимым для семинарских правлений деталям встречается на протяжении документа неоднократно. Так, составители Журнала не одобрили стремление ректора одной из семинарий исключать учеников за порчу казенного имущества как проявление неуважения к церковным деньгам, на которые содержится духовно-учебное заведение [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 20]. Очевидный руководству духовно-учебного заведения противорелигиозный оттенок этого проступка не был признан таковым представителями Синода. В официальном комментарии значилось, что «мнение одного семинарского правления, будто порча казенных вещей есть «святоотатство», как мнение до крайности преувеличенное, должно быть исключено из инструкции инспектору» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 99].

Кроме того, Учебный комитет наложил вето на исключение из семинарии ученика только за уклонение от исполнения долга исповеди и причастия, так как отказ от соблюдения этих ритуалов, по их мнению, не обязательно свидетельствовал об отсутствии веры или неуважении к церкви [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 94], а также запретил исключать за сквернословие, поскольку не посчитал этот проступок неисправимым и нетерпимым [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 97]. Таким образом, несмотря на декларируемую важность религиозного воспитания и свободу семинарских правлений в установлении внутренних дисциплинарных правил, Учебный комитет уверенно вмешивался в том числе в религиозные вопросы и навязывал семинариям конкретные инструкции, что нужно было считать противорелигиозными поступками, а что – нет.

Вероятно, члены Учебного комитета осознавали, что отметка «поведения неодобрительного» отныне могла разрушить жизни неопытных семинаристов. В Журнале

было подчеркнуто, что «исключение ученика никогда не должно быть допускаемо без испытания над ним всех возможных исправительных мер, начиная с вразумления и увещания до последней, допускаемой в заведении степени наказаний, — и только одни особо-важные случаи могут дать основание к немедленному удалению воспитанника из учебного заведения» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 127–128].

В связи с этим был приведен также официальный список проступков, ведущих к исключению, состоявший из восьми пунктов, семь из которых требовали немедленного сообщения о случае в канцелярию обер-прокурора Синода: «...склонность к неуживчивости и дерзкому обращению с товарищами, доходящая до нанесения сим последним побоев, вредящих их здоровью» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 128]; воровство; нетрезвость; доказанный разврат; дерзость перед начальством и наставниками, противодействие им, организация стачек, написание пасквилей и т.п.; противогосударственные и противообщественные действия, а также распространение запрещенной литературы; противонравственные и противорелигиозные проступки, в которые включались «действия, противные учению и духу Православной Веры и Церкви» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 129], а именно сочинение и распространение «вредных учений», кощунственное и насмешливое отношение к христианским догмам, обрядам и священным предметам [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 77].

Сами по себе выделенные нарушения не были специфичными для духовно-учебных заведений. Составители Журнала не делали акцент на особой нетерпимости богохульства или святотатства для будущих служителей церкви. Их волновали такие прочно ассоциируемые с популярными образами семинаристов проступки, как распитие алкоголя и драки. Подтверждением тому служит вышедший 15 января 1870 г. за № 4 циркуляр, дополнительно обязавший правления духовных семинарий немедленно исключать всех воспитанников, замеченных в пьянстве, дерзости и буйстве, независимо от того, было это нарушение единственным или повторяющимся [РГИА, ф. 797, оп. 37, отд. I, ст. 2, д. 180, л. 128–128об.].

Однако требование немедленного исключения противоречило идее удаления из семинарии с неодобрительным поведением как крайней меры, применяемой в особых случаях, когда остальные средства не привели к исправлению воспитанника. Кроме того, данная формулировка лишала семинарские правления самостоятельного выбора наказания, декларированного как в Уставе, так и на протяжении всех предыдущих страниц Журнала.

ПРАКТИКА ИСКЛЮЧЕНИЙ: «ЛОЖНАЯ ГУМАННОСТЬ» СЕМИНАРСКИХ ПРАВЛЕНИЙ

Если классификация Учебного комитета была обращена в первую очередь на проступки как внешнее проявление безнравственности, то в откликах педагогов и руководителей семинарий читалось обратное. Они провозглашали приоритет внутренних черт личности над их внешними проявлениями и сходились во мнении, что «нравственно-христианское проявление характера и направление должны быть ценимы выше, нежели точное исполнение ученических обязанностей» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 46].

При этом в вопросе нетерпимости разврата, пьянства, святотатства, богохульства и воровства на бумаге члены семинарских правлений были в целом согласны с Синодом. Отчетливо разногласия между ними проявились не в процессе обсуждения нормы, а в ситуациях ее применения.

Если рассказы о лихих семинаристах и опасения Синода о нравственной испорченности будущих пастырей хотя бы частично соответствовали действительности, можно предположить, что введение официальной нормы и принятие строгих правил должны были привести к массовым исключениям из духовно-учебных заведений. Однако за следующие после начала реформирования девять лет обер-прокурором Синода было получено всего 285 сообщений об исключении по всем классам сорока трех духовных семинарий Российской империи (см. таблицу 1). Так, из Московской и Вифанской семинарий, обучавших в разные годы от 624 до 762 юношей [Сушко, 2010, с. 82–84], за все рассматриваемое время с неодобрительным поведением был официально уволен только один ученик.

При этом рост числа исключений в 1872 г., по-видимому, был обусловлен публикацией и рассылкой по духовным школам выдержек из Журнала Учебного комитета 1871 г. с полным перечнем нетерпимых в духовном воспитанике проступков. Такие всплески также соотносились по времени с инспекциями Учебного комитета. Одинадцать из пятидесяти исключенных в 1872 г. учеников были питомцами Волынской духовной семинарии. Можно предположить, что такое массовое обнаружение нетерпимых воспитанников было следствием публикации отчета по прошедшей в Волынской епархии ревизии И. К. Зинченко в 1871 г. [РГИА, ф. 802, оп. 9, д. 63].

Таблица 1. Число учеников, исключенных из духовных семинарий с неодобрительным поведением в 1868–1876 гг.

Исключенные с неодобрительным поведением									
Год	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876
Кол-во	22	21	11	26	50	43	51	27	34
Всего	285								

Составленный в результате сплошного просмотра источников список основных причин исключения содержит стандартный набор проступков, типичных для воспитанников любого учебного заведения и формально соответствовавших всем требованиям официальной нормы (см. таблицу 2). Однако за одиночное нарушение семинаристы исключались крайне редко [РГИА, ф. 797, оп. 43, отд. I, ст. 2, д. 8, л. 73]. В большинстве случаев в журналах педагогических собраний по делам исключенных перечислялось сразу несколько нетерпимых поступков, каждый из которых по новым правилам должен был приводить к немедленному удалению ученика из семинарии с баллом «1» по поведению.

Таблица 2. Количество упоминаний наиболее распространенных проступков в качестве причины исключения из духовных семинарий в 1868–1876 гг.

Проступок	Год									За все время
	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	
Пьянство	8	11	7	17	20	22	17	18	19	139
Дерзость начальству и/или посторонним	4	7	4	13	15	3	13	1	6	65
Самовольные отлучки	7	–	–	1	8	9	12	8	14	59
Воровство	9	4	2	2	7	6	5	5	3	43
Буйство	6	2	3	12	2	3	4	2	2	36
Участие в беспорядках / несоблюдение дисциплины	–	–	–	2	–	–	13	2	4	21
Противоправительственная деятельность	–	–	–	–	1	1	7	2	5	16

Так, рассматривая случаи нетрезвости, члены правлений далеко не всегда считали нужным исключать провинившегося. По мнению представителей духовных семинарий, отметки «поведения неодобрительного» заслуживали семинаристы, имевшие склонность к пьянству, определяемую как многократное обнаружение в состоянии алкогольного опьянения. Идея повторяемости проступка здесь очевидным образом противоречила требованию Учебного комитета, согласно которому «ученики, замеченные в нетрезвости и пьянстве, <...> должны быть исключаемы из семинарии немедленно» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 128].

Родители в прошениях на имя обер-прокурора Синода о дозволении их детям продолжить обучение также апеллировали к количеству и качеству выпитого. В 1869 г. отец исключенного за нетрезвость семинариста утверждал, что «его сын по приглашению хозяина квартиры выпил рюмки две наливки» [РГИА, ф. 797, оп. 37, отд. I, ст. 2, д. 180, л. 118–120], что, по его мнению, не могло считаться пьянством. Такой аргумент священника кажется искренним на фоне упоминаний в журналах

педагогических собраний о случаях распития учениками алкоголя именно с родственниками или доверенными старшими, которые составляли до половины от всех исключений за нетрезвость.

Другие распространенные нарушения порядка, такие как самовольные отлучки из семинарии, длительные пропуски занятий и буйства, чаще всего были сопряжены с обвинениями в нетрезвости или же упоминались в журналах для общей характеристики ученика. Именно повторяемость проступков на протяжении долгого времени в совокупности с их разнообразием свидетельствовала, по мнению представителей духовных семинарий, о неисправимости и нравственной испорченности воспитанника, требовавшей его удаления из духовно-учебного заведения.

Стоит отметить, что не все обозначенные в официальных правилах нетерпимые проступки были одинаково распространены как количественно, так и хронологически. Вне списка наиболее распространенных причин исключений оказались такие проступки, как пропуск классов и богослужений, противорелигиозные действия, порча имущества, распутство, азартные игры и табакокурение. Не все из них становились и предметами обсуждения педагогических собраний.

В свою очередь, нарушение учебной дисциплины и противоправительственная деятельность появились в списке причин исключений только в 1871–1872 гг. и с 1874 г. стали занимать существенный процент от всех случаев исключения. Так, в 1874 г. более 25% дел включали обвинения в организации или участии воспитанников в беспорядках, а в 13% фигурировало чтение и распространение запрещенной литературы.

Первое официальное исключение семинариста за чтение запрещенной литературы и подозрение в противогосударственной деятельности произошло только в 1872 г. [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 38]. Поимка в 1873 г. другого воспитанника на чтении и обсуждении сочинений Н. Чернышевского, Ч. Дарвина и Д. Щеглова с одноклассниками вызвала бурную дискуссию среди членов педагогического собрания. Однако члены правления отметили, «а) что опыт разбора романа Чернышевского обнаруживает в авторе не злонамеренного, обдумавшего свою задачу преступника, успевшего образовать в себе твердое направление мыслей, в смысле своих руководителей, а неопытного, увлекшегося новичка, находящегося еще в состоянии брожения мыслей своих и управляемого; б) что Смирнов случайно подпал влиянию неблагонамеренных людей, по своей молодости и неопытности» [РГИА, ф. 797, оп. 43, отд. I, ст. 2, д. 8, л. 269об.].

Таким образом, в рассматриваемый период чтение запрещенной литературы не воспринималось руководителями духовных семинарий ни как опасный противогосударственный шаг, ни как недопустимое для духовного воспитанника действие, свидетельствующее о его нравственном упадке. К схожему заключению при анализе практик тенденциозного чтения учащихся пришла и Ю.А. Сафронова. Члены семинарских правлений старались учитывать мотивы и обстоятельства знакомства

воспитанников с запрещенной литературой, которые существенно различались в каждом случае и не обязательно свидетельствовали о противоправительственных настроениях [Сафронова, 2018, с. 67].

По данным таблицы 2 также видно, что пик участия семинаристов в протестах против внутренних дисциплинарных правил и совершения противоправительственных действий пришелся на 1874 г. и в последующие годы сохранялся на одном уровне. С одной стороны, синхронное увеличение числа исключений за оба проступка косвенно подтверждает корреляцию между увлечением противоправительственными идеями и неприятием внутренних распорядков духовных семинарий, описываемую историками в контексте участия семинаристов в революционных движениях [Леонтьева, 2001, с. 29–43]. С другой стороны, всплеск исключений совпал с началом дела о «пропаганде в империи» и может быть объяснен повышенным вниманием жандармов к внеучебной деятельности духовных воспитанников.

Таким образом, руководства семинарий лавировали между точным исполнением регламентов Синода и собственными представлениями о сообразности проступков и наказаний. Чтобы реализовать свои интересы в обход официальных постановлений, они использовали несколько способов.

Распространенной практикой было увольнение подлежавших исключению семинаристов по прошениям. Например, одно из расследований, инициированных Синодом в связи с дошедшей до него информацией о беспорядках в Вятской духовной семинарии, показало, что в нем были задействованы воспитанники, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, но при этом «о нетрезвости означенных в донесении учеников никаких дел в Семинарском правлении не производилось, и ученики, значащиеся уволенными за нетрезвость, на самом деле, по журналам Правления, уволены согласно их прошениям», к подаче которых их подтолкнуло само семинарское начальство [РГИА, ф. 797, оп. 43, отд. 1, ст. 2, д. 2, л. 3об.]. Такая практика позволяла удалить нетерпимого воспитанника из учебного заведения, но при этом не лишать его возможности продолжить учебу в другой семинарии, поступить в гимназию или получить место учителя в народном училище.

Другим вариантом уклонения от прямого исполнения предписаний Синода было исключение только одного из группы замеченных в проступке семинаристов. В случаях с массовыми беспорядками семинарские правления зачастую находили наиболее, по их мнению, виновного и подвергали его высшей мере наказания в назидание соучастникам [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. 1, ст. 2, д. 26, л. 217–231; РГИА, ф. 797, оп. 46, отд. 1, ст. 2, д. 9, л. 229–231об.]. Чаще всего они аргументировали факт исключения или оставления воспитанника в учебном заведении не только ссылкой на проступок в формальной классификации, но и сопутствовавшими обстоятельствами, оправдывавшими или, наоборот, увеличивающими его вину.

Во многих случаях в духовных семинариях допускалось освобождение от наказания при чистосердечном признании провинившегося, «если только это сознание

есть выражение честности ученика, а не вытекает из простого расчета на безнаказанность» [Журнал Учебного комитета..., 1871, с. 61]. К этой же категории можно отнести извинение. В случае дерзкого общения с начальством или педагогическим составом, при отсутствии у ученика уже выраженной склонности к грубости и неучтивости, ему было дозволено искупить вину, попросив прощения у оскорбленных лиц. Только при отказе извиняться дело о проступке передавалось на рассмотрение педагогического собрания [РГИА, ф. 797, оп. 41, отд. I, ст. 2, д. 2, л. 107–114].

Другое смягчающее обстоятельство выбивалось из общего ряда. С 1872 г. в журналах педагогических собраний семинарий, а также в объяснениях семинарских правлений перед Синодом стала обнаруживаться идея намеренного снисхождения к воспитанникам, не собиравшимся продолжать учебу в духовной семинарии [РГИА, ф. 797, оп. 45, отд. I, ст. 2, д. 6, л. 219–221об.]. Так, правление Волынской духовной семинарии определило не исключать ученика, замеченного в воровстве, так как «он относился легко к исполнению ученических обязанностей потому, что заявил еще в половине учебного года о нежелании учиться в семинарии» [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 259об.]. В таких заявлениях педагогических собраний читается осознанное противопоставление требований к духовенству жизни в миру. Однако представители высшей церковной власти не разделяли этих убеждений, называя их «странными педагогическими воззрениями», и в большинстве случаев требовали пересмотра дел [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 260об.].

Нежелание семинарских правлений исключать из учебных заведений не планировавших продолжать духовное образование учеников, замеченных в предосудительных проступках, можно трактовать как проявление сословной корпоративности. Однако также важную роль здесь играют ошибочные интерпретации новых регламентов и осознание руководителями духовных семинарий последствий исключения с неодобрительным поведением для молодых семинаристов.

Одной из распространенных реакций на столкновение с новой реальностью стал отказ принимать требования буквально и поиск в них скрытых смыслов. «Я не могу понять, как ученик, 3 года бывший поведения очень хорошего, вдруг стал 16 апреля вечером поведения неодобрительного? Каким образом за один легкомысленный проступок губить молодого человека на всю жизнь (ибо куда может поступить человек с неодобрительным поведением)? Поведение должно быть оцениваемо по целому строю жизни воспитанника, а не по одиночному факту» [РГИА, ф. 797, оп. 44, отд. I, ст. 2, д. 8, л. 154], — возмущался член педагогического собрания Воронежской духовной семинарии даже спустя три года после вступления в силу положений Журнала учебного комитета.

Внезапному превращению юноши из благонравного в нетерпимого удивлялись и отцы семинаристов в своих прошениях. В 1872 г. сельский дьячок сообщал обер-прокурору, что по семинарским справкам и штрафному журналу его сын ни разу не был замечен в шалостях и проступках, «и вдруг в один день, даже в один час он из очень хорошего ученика сделался и неодобрительным». Однако если в первом

случае член семинарского правления констатировал странность такого официального постановления высшей церковной власти, то здесь расстроенный родитель обвинял во всем непосредственно учебное заведение: «Можно быть благодарным семинарии за такое воспитание наших детей?» [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 355об.].

Количество прошений, обличавших «беспорядки и бестактность семинарского начальства», показывает, что в общении с высшей церковной властью родители семинаристов либо нарочно пытались столкнуть местное духовно-учебное управление с Синодом, чтобы показать лояльность последнему и склонить его к положительному решению, либо действительно были не согласны с порядками, царившими в духовно-учебных заведениях [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 100–101об, 206–212; РГИА, ф. 797, оп. 43, отд. I, ст. 2, д. 8, л. 324–326]. Скорее всего, имели место оба фактора. На искренность родительского возмущения могли оказывать влияние как личный опыт столкновения с еще дореформенными дисциплинарными практиками семинарий, так и доводы детей, убеждавших родителей в своей невинности и несправедливости семинарских правлений.

При этом не вызывает сомнений умение ректоров и преподавателей искать компромиссы между спускаемыми сверху нормами и собственными представлениями о недопустимом в духовном воспитаннике. Оно проявлялось и в попытках переработки официальных регламентов под уже существовавшие семинарские практики, и в обращении к правилам исключений воспитанников из учебных заведений гражданских ведомств.

Ярким примером может служить случай Ивана Смирнова, исключенного из Кавказской семинарии в 1873 г. за чтение запрещенной литературы «с лишением права в течение года поступить в какое-либо учебное заведение по неблагонадежности» [РГИА, ф. 797, оп. 43, отд. I, ст. 2, д. 8, л. 268]. Это был прецедент создания нового правила на основе смешения синодальной и гражданской норм. Исключения с лишением учащегося возможности поступать в учебные заведения в течение определенного времени были распространенной практикой в гимназиях и при особых обстоятельствах дозволялись в духовных академиях, но не были разрешены в семинариях, о чем в ответе на сообщение поспешили напомнить главе епархии синодальные чиновники [РГИА, ф. 797, оп. 43, отд. I, ст. 2, д. 8, л. 277–279].

Попытки не аттестовать неодобрительным поведением формально нетерпимых воспитанников часто фиксировались высшей церковной властью. Представители Синода неоднократно были вынуждены требовать от правлений духовных семинарий письменных объяснений о том, почему они так долго терпят в своих стенах «крайне безобразные поступки» [РГИА, ф. 797, оп. 41, отд. I, ст. 2, д. 2, л. 190]. Так, в 1872 г. обер-прокурор писал главе Тверской епархии, что правление местной семинарии «дозволяет себе руководствоваться более личными воззрениями, нежели подлежащими постановлениями» [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 326об.–327].

Артикулируемой в записях с педагогических собраний причиной, по которой преподаватели не желали применять к духовным воспитанникам высшую меру наказания, было беспокойство, что их нравственность упадет еще ниже, если отобрать возможность продолжать обучение: «Исключение из семинарии теперь же погубит их на всю жизнь, с таким свидетельством, какое выдаст им семинарское правление после исключения за дерзость, они не могут поступить ни в какое другое учебное заведение, не найдут должности, от которой бы могли получать честно насущный кусок хлеба, и таким образом пойдут тем путем, который может довести их до гибели» [РГИА, ф. 797, оп. 41, отд. I, ст. 2, д. 2, л. 174].

Таким образом, новый статус неодобрительного поведения имел не последнее значение в выборе наказания для виновных семинаристов. Идея о несправедливости лишения исключенных из духовных учебных заведений воспитанников будущего за пределами церковной службы регулярно всплывала на педагогических собраниях. Осознание ректорами и преподавателями последствий исключения, вероятно, приводило к тому, что ревизор Зинченко в 1872 г. называл «ложной гуманностью» [РГИА, ф. 797, оп. 42, отд. I, ст. 2, д. 26, л. 245], свойственной многим семинарским правлениям, а в канцелярии обер-прокурора — «неуместной терпимостью в отношении к заведомо дурным ученикам» [РГИА, ф. 797, оп. 41, отд. I, ст. 2, д. 2, л. 189].

Противоречия в представлениях о нравственном облике духовного воспитанника между членами Учебного комитета и семинарскими правлениями проявились еще на этапе формирования новой дисциплинарной нормы. В результате руководства духовных семинарий на местах пытались реализовывать свои воспитательные принципы, не привлекая лишнего внимания и не вступая в прямую конфронтацию с высшим духовным ведомством.

В то время как чиновники Синода стремились четко выделить и унифицировать предосудительные поступки, свести их к понятным, четким и документально фиксируемым категориям, семинарские правления крайне выборочно исключали воспитанников, часто грубо нарушая указания Синода и получая за это обвинения в «ложной гуманности». Для них нетерпимое в будущем пастыре определялось не конкретными актами нарушения дисциплины, а доказанным фактом неисправимости пороков и обстоятельствами совершения проступков. В большинстве случаев они были готовы терпеть в духовной семинарии честного пьяницу и раскаявшегося зачинщика беспорядков, а также видели в ознакомлении учащихся с запрещенной литературой проявление любопытства, доверчивости и внушаемости, а не безнравственности.

При этом в рассуждениях о терпимости проступков, совершенных их сыновьями, родители также часто прямо или косвенно обращались к формальным и неформальным семинарским нормам, указывая на несоизмеримость совершенного проступка его наказанию. В результате мы можем говорить как о наличии разделяемых разными группами приходского духовенства представлениями о допустимом

в духовном воспитанике, так и об общей обеспокоенности дальнейшей судьбой исключенных поповичей.

В то же время после введения требования обязательного уведомления обер-прокурора Синода для дальнейшей рассылки по другим ведомствам о каждом исключенном из духовно-учебных заведений с неодобрительным поведением участники педагогических собраний были вынуждены оценивать соответствие нравственного облика учащихся не только будущему служителю церкви, но и полезному члену всего российского общества. Такая ситуация не укладывалась в официальные цели реформы духовного образования 1860–1870-х гг. и могла способствовать только оставлению в учебных заведениях формально нетерпимых на духовной службе учеников, о чем свидетельствует и малое количество исключений с неодобрительным поведением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Горячева А.А. Вопросы воспитания в уставах духовных семинарий 1814 и 1867 гг. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология.* 2010. № 16. С. 50–62.

Журнал Учебного комитета при Святейшем Синоде с соображениями по вопросам, касающимся устройства воспитательной части в духовных семинариях 1871 г. СПб.: Синодальная типография, 1880. 132 с.

Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX в. // *Вопросы истории.* 2001. № 1. С. 29–43.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Надеждин А.Н. История С.-Петербургской православной духовной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб.: Синодальная типография, 1885. 676 с.

Павленко Т.А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2009. 414 с.

Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: Протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX–начало XX веков) // *Новый исторический вестник.* 2017. № 2(52). С. 39–56.

Помяловский Н.Г. Очерки бursы. М.: Директ-Медиа, 2015. 178 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 37. Отд. I. Ст. 2. Д. 180.

РГИА. Ф. 797. Оп. 41. Отд. I. Ст. 2. Д. 2.

РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Отд. I. Ст. 2. Д. 26.

РГИА. Ф. 797. Оп. 43. Отд. I. Ст. 2. Д. 2.

РГИА. Ф. 797. Оп. 43. Отд. I. Ст. 2. Д. 8.

РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Отд. I. Ст. 2. Д. 8.

РГИА. Ф. 797. Оп. 45. Отд. I. Ст. 2. Д. 6.

РГИА. Ф. 797. Оп. 46. Отд. I. Ст. 2. Д. 9.

РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Д. 28.

РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 63.

Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. 576 с.

Сафронова Ю.А. Вовлечение в политическое: революционное народничество 1870-х годов как сообщество читателей // *Вестник Пермского университета. Серия: История.* 2018. № 2(41). С. 65–74.

Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX начало XX вв.) // *Новый исторический вестник.* 2007. № 16. С. 66–69.

Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб.: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. 256 с.

Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб.: Синодальная типография, 1871. 84 с.

Федоров В.А. Духовная православная школа // *Очерки русской культуры XIX века.* Т. 3. М.: МГУ, 2001. С. 365–369.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 540 p.

REFERENCES

Goryacheva A.A. Voprosy vospitaniya v ustavakh dukhovnykh seminarii 1814 i 1867 gg. [Issues of education in the statutes of theological seminaries in 1814 and 1867], in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya.* 2010. No. 16. Pp. 50–62 (in Russian).

Zhurnal Uchebnogo komiteta pri Svyateishem Sinode s soobrazheniyami po voprosam, kasayushchimsya ustroystva vospitateľnoi chasti v dukhovnykh seminariyakh 1871 g. [Journal of the Educational Committee at the Most Holy Synod with considerations on issues related to the organization of the educational part in theological seminaries, 1871]. St. Petersburg: Sinodalnaya tipografiya, 1880. 132 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. Vera i bunt: dukhovenstvo v revolyutsionnom obshchestve Rossii nachala XXv. [Faith and rebellion: the clergy in the revolutionary society of Russia in the early 20th century], in *Voprosy istorii.* 2001. No. 1. Pp. 29–43 (in Russian).

Manchester L. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Translated from English by A.Y. Polunov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. 448 p. (in Russian).

Nadezhdin A.N. *Istoriya S.-Peterburgskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii, s obzorom obshchikh uzakonenii i meropriyatii po chasti seminarskogo ustroystva. 1809–1884* [History of the St. Petersburg Orthodox Theological Seminary, with a review of general legalizations and measures related to the seminary organization. 1809–1884]. St. Petersburg: Sinodalnaya tipografiya, 1885. 676 p. (in Russian).

Pavlenko T.A. *Protestnoe dvizhenie uchashchikhsya pravoslavnykh seminarii v period Pervoi rossiiskoi revolyutsii: 1905–1907 gg.* [The protest movement of orthodox seminary students during the First Russian Revolution: 1905–1907]: dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. St. Petersburg, 2009. 414 p. (in Russian).

Popova O.D., Popova A.D. Buntuyushchaya seminariya: Protestnoe dvizhenie v dukhovnykh uchebnykh zavedeniyakh (vtoraya polovina XIX–nachalo XX vekov) [The rebellious seminary: the protest movement in theological educational institutions (the second half of the 19th – early 20th centuries)], in *Novyi istoricheskii vestnik*. 2017. No. 2(52). Pp. 39–56 (in Russian).

Pomyalovskii N.G. *Ocherki bursy* [Seminary Sketches]. Moscow: Direkt-Media, 2015. 178 p. (in Russian).

Russian State Historical Archiv (RGIA). F. 797. Inv. 37. Otd. I. St. 2. D. 180.

RGIA. F. 797. Inv. 41. Otd. I. St. 2. D. 2.

RGIA. F. 797. Inv. 42. Otd. I. St. 2. D. 26.

RGIA. F. 797. Inv. 43. Otd. I. St. 2. D. 2.

RGIA. F. 797. Inv. 43. Otd. I. St. 2. D. 8.

RGIA. F. 797. Inv. 44. Otd. I. St. 2. D. 8.

RGIA. F. 797. Inv. 45. Otd. I. St. 2. D. 6.

RGIA. F. 797. Inv. 46. Otd. I. St. 2. D. 9.

RGIA. F. 797. Inv. 48. D. 28.

RGIA. F. 802. Inv. 9. D. 63.

Rimskii S.V. *Rossiiskaya Tserkov' v epokhu velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh gg.)* [The Russian Church in the age of Great Reforms (Church Reforms in Russia in the 1860s–1870s)]. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvor'e. Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 1999. 576 p. (in Russian).

Safronova Y.A. Vovlechenie v politicheskoe: revolyutsionnoe narodnichestvo 1870-kh godov kak soobshchestvo chitatelei [Involving in the political: revolutionary populism in the 1870s as a community of readers], in *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2018. No. 2(41). Pp. 65–74 (in Russian).

Skutnev A.V. Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX nachalo XX vv.) [The parish clergy: peculiarities of mentality

and non-canonical behavior (the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries)], in *Novyi istoricheskii vestnik*. 2007. No. 16. Pp. 66–69 (in Russian).

Sushko A.V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoi Rossii (1861–1884 gg.)* [Theological seminaries in post-reform Russia (1861–1884)]. St. Petersburg: SPbGMA im. I.I. Mechnikova, 2010. 256 p. (in Russian).

Ustavy i shtaty dukhovnykh seminarii i uchilishch, vysochaishe utverzhdennye 14 maya 1867 goda [Statutes and states of theological seminaries and schools, approved on May 14, 1867]. St. Petersburg: Sinodalnaya tipografiya, 1871. 84 p. (in Russian).

Fedorov V.A. *Dukhovnaya pravoslavnaya shkola* [Theological orthodox school], in *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka*. Vol. 3. Moscow: MSU, 2001. Pp. 365–369 (in Russian).

Freeze G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 540 p.

Статья принята к публикации 21.01.2024